

Шарапов Сергей Федорович

Русский сельский хозяин

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 291
ББК 86.3
С32

С32 **Сергей Федорович Ш.**
Русский сельский хозяин / Шарапов Сергей Федорович – М.: Книга по Требо-
ванию, 2022. – 168 с.

ISBN 978-5-521-30662-6

ISBN 978-5-521-30662-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

нистративной стороны сельско-хозяйственнаго предпріятія, въ смыслѣ обобщенія безчисленныхъ, ежедневно встрѣчающихся подробностей, и указанія нѣкоторыхъ общихъ руководящихъ принциповъ, эти подробности освѣщающихъ; но тяжелая болѣзнь, постигшая автора въ то самое время, когда для выпуска книги оставался самый крайній срокъ, вынудила исключить этотъ отдѣлъ вовсе.

Ради этого же обстоятельства слѣдуетъ просить читателя благосклонно отнестись ко всѣмъ вычисленнымъ недодѣлкамъ и недосмотрамъ въ изданіи, представляющемъ менѣе половины того, что первоначально было задумано.

Авторъ.

I.

Нравственныя условія русскаго хозяйства.

Нравственныя условія русскаго хозяйства совершенно противоположны нравственнымъ условіямъ хозяйствъ европейскихъ, равно какъ противоположна и вся окружающая тѣ и другія обстановка. На западѣ, послѣ полного разложенія общинно-мірскаго землевладѣнія, земельная собственность сосредоточилась въ рукахъ наиболѣе состоятельнаго класса населенія, и, вмѣстѣ съ сельско-хозяйственнымъ прогрессомъ, выработался опредѣленный земледѣльческій строй, при которомъ владѣлецъ земли является предпринимателемъ — капиталистомъ, свободнымъ и полноправнымъ, а безземельная часть населенія экономически исполнѣ подчиненною и безправною массою рабочихъ единицъ. Землевладѣлецъ предлагаетъ работу за плату, устанавливаемую по законамъ спроса и предложенія, безземельный пролетаріатъ волей-неволей принимаетъ эту работу, причемъ обѣ стороны ведутъ между собою упорную, ожесточенную и безконечную борьбу. Кромѣ связи чисто экономической, между ними нѣтъ рѣшительно никакой другой (если не считать совершенно внѣ дѣла стоящихъ филантропическихъ, мѣстно-патріотическихъ и иныхъ чувствъ), и поэтому борьба совершенно естественна и законна. Земледѣльцу, имѣющему достаточныя знанія, умѣнье и оборотный капиталъ, не приходится считаться ни съ чѣмъ инымъ, кромѣ рынка, законодательныхъ и политическихъ условій, относящихся къ его производству, и условій климатическихъ. Нравственное положеніе его хозяйства и нравственныя притязанія его рабочей силы стоятъ для него внѣ вопроса. Все заранѣе предрѣшено тѣмъ фактомъ, что у него есть земля и деньги—у нихъ рабочія руки и голодные желудки.

Поэтому-же и самая техника земледѣлія необыкновенно упрощается. Вопросъ о томъ, напимѣрь, работать-ли серпомъ или жатвенною машиною, разрѣшается въ высшей степени просто, на основаніи одного лишь голаго коммерческаго расчета, и если этотъ расчетъ будетъ въ пользу жатвенной машины, то западному землевладѣльцу не можетъ даже представиться никакихъ противъ этого возраженій.

Совсѣмъ другое дѣло въ Россіи. Освобожденные въ 1861 году крестьяне, бывшіе прежде даровою рабочею силою, сдѣланы почти все поголовно землевладѣльцами. Для ихъ существованія опредѣлилась совсѣмъ иная цѣль, чѣмъ на западѣ. Тамъ сельскій рабочій не имѣетъ передъ собою ничего другого, какъ работать на хозяина земли, поддерживать среди страшной борьбы существованіе свое и семьи, копить, если можно, остатки отъ расходовъ съ тѣмъ, чтобы когда-нибудь, при особенномъ счастьи и удачѣ, выдѣлиться изъ рядовъ самому и стать хозяиномъ точно такимъ, на котораго онъ передъ этимъ работалъ.

У нашего крестьянина, получившаго землю, явилась самостоятельная цѣль бытія. Онъ сдѣлался полноправнымъ гражданиномъ, крѣпкимъ землѣ и непосредственно выносящимъ на своихъ плечахъ огромную государственную тягость. Въ то время, какъ на западѣ главный плательщикъ прямыхъ и косвенныхъ государственныхъ налоговъ—земельная и промышленная буржуазія, а пролетаріатъ участвуетъ лишь въ налогахъ косвенныхъ, въ Россіи подавляюще огромная часть податной тягости ложится на крестьянскую общину, оставляя на долю остальныхъ сословій лишь небольшую часть налоговъ прямыхъ и около половины косвенныхъ.

При такомъ государственномъ фундаментѣ, правительственная власть и законодательство не могли безъ противорѣчія самимъ себѣ не поставить русскаго крестьянина подъ особую охрану, въ смыслѣ защиты его отъ раскрѣпленія съ землею. И какъ бы не говорили, что частное землевладѣніе дворянское, или иное, дорого и любезно русскому государству, это государство всѣми своими дѣйствіями было вынуждено, удерживая отъ распада крестьянскую общину и ея землевладѣніе, оставлять на произволъ судьбы землевладѣніе частное или

бросать ему завѣдомо безнадежныя податки, въ родѣ дворянскаго банка, соло-векселей, закона о наймѣ сельскихъ рабочихъ и. т. д.

На западѣ есть одна частная земельная собственность съ опредѣленными правами и обязанностями и съ опредѣленными же требованіями относительно государства.

Каждый землевладѣлецъ на Западѣ есть болѣе или менѣе „генералъ арміи рабочихъ“, состоящихъ какъ-бы вовсе внѣ государства, связанныхъ съ нимъ совершенно искусственно и кромѣ нѣкоторой, чисто внѣшней защиты себя, какъ человѣческихъ существъ, отъ него ничего не требующихъ. У насъ частный землевладѣлецъ, если только онъ не маленькій однодворецъ, обрабатывающій свой клочекъ собственноручно, поставленъ въ совершенно особое положеніе относительно необходимыхъ ему рабочихъ. Свободнаго пролетаріата нѣтъ. Все населеніе поголовно занято своимъ собственнымъ хозяйствомъ и можетъ предложить рабочему рынку только избытокъ труда, остающійся въ его распоряженіи за исполненіемъ текущихъ работъ въ этомъ хозяйствѣ. При этомъ, излишекъ этотъ распределенъ до крайности неравномѣрно, представляя довольно большое предложеніе для менѣе важныхъ работъ и почти исчеза въ самую горячую страдную пору.

Представимъ себѣ пять или шесть деревень, имѣющихъ хорошо расположенные средней величины надѣлы и ведущихъ на нихъ полное и хорошее хозяйство. Въ срединѣ находится большое помѣщичье имѣніе, владѣлецъ коего прекрасный агрономъ; онъ желаетъ всѣ силы свои отдать хозяйству и тмѣть необходимый оборотный капиталъ. Онъ можетъ завести прекрасный инвентаръ и машины, можетъ найти сколько угодно рабочихъ, и по недорогой цѣнѣ, на зимніе и весенніе мѣсяцы, но ему будетъ крайне трудно одними силами окружающаго населенія справиться со своими покосами, а, въ особенности, съ уборкою льна и хлѣбовъ, т. е. съ самыми важными и не допускающими никакого промедленія работами. Чтобы найти мѣстныхъ рабочихъ для покоса, необходимо такъ или иначе призвать крестьянъ, заставивъ ихъ частію отложить заготовку сѣна для себя, чтобы убрать его луга за дорогую, хотя и не

выгодную для крестьянъ цѣну, или привлечь тѣхъ же крестьянъ добровольно, уступивъ имъ не только дуга, но и посѣвныя травы изъ части.

Съ уборкою хлѣбовъ дѣло обстоитъ еще хуже. Время такъ коротко, что если крестьяне будутъ вынуждены своевременно убрать мало-мальски значительный посѣвъ, часть ихъ собственнаго хлѣба должна неизбежно осыпаться.

При покосѣ и уборкѣ хлѣбовъ, правда, есть еще нѣкоторая возможность замѣнить мужика машиной, но какимъ образомъ убрать большіе посѣвы льна или выкопать значительное пространство картофеля?

Чтобы всѣ эти работы шли гладко, необходимо, чтобы нужда крестьянъ была сильнѣе, чѣмъ ихъ огромная привязанность къ своему собственному хозяйству. Только при этомъ условіи мужикъ броситъ свой собственный покосъ, т. е. завѣдомо уменьшить свое скотоводство и пойдетъ заготавливать кормъ для чужого скота. Только тогда оставитъ онъ осыпаться свою собственную „рожь кормилицу“, чтобы идти жать господскую рожь, заранѣе предназначенную нѣмцамъ или на винокурню.

Дѣло именно въ томъ, что у насъ, въ противоположность западу, не существуетъ и не можетъ существовать класса хорошихъ, дѣльныхъ рабочихъ. Въ группѣ указанныхъ деревень, какъ бы хорошо ни шло хозяйство, явятся непременно съ одной стороны ослабѣвшіе или неспособные домохозяева, съ другой стороны, тупоумные, нерадивые и вообще неспособные члены семей, составляющіе до известной степени излишній элементъ въ собственныхъ хозяйствахъ. И тѣ и другіе охотно пойдутъ къ барину въ батраки, лишь бы не думать собственной головой и имѣть круглый годъ обеспеченныя харчи. Другой никто на барскую работу не позарится, если только есть малѣйшая возможность самостоятельно работать на себя. Община, міръ, оказываетъ въ этомъ случаѣ могущественное дѣйствіе. Даже мало способные къ хозяйству, или глупые, ведутъ его, глядя на людей. Только совершенно разорившись, лишившись скота и инвентаря, или спившись и избаловавшись въ городѣ, отстаетъ крестьянинъ отъ своихъ односельцевъ, но и

здѣсь, ставъ иногда безпутнымъ пьяницей, мужикъ предпочитаетъ довольствоваться случайнымъ заработкомъ или ремесломъ и сидѣть впроголодь въ нетопленной хатѣ, чѣмъ соблазниться „египетскими котлами съ мясомъ“ частнаго землевладѣнія.

Предпринимателю-хозяину, стремящемуся завести европейское вольнонаемное хозяйство, предоставляется пользоваться единственно негоднымъ отбросомъ сельскаго населенія. И при этихъ условіяхъ, рабочихъ кое-какъ хватаетъ для помѣщичьихъ экономій только потому, что слишкомъ не велико число ихъ, ведущее батраческое хозяйство. Пожелай всѣ землевладѣльцы завести хозяйство съ годовыми работниками, въ качествѣ таковыхъ пришлось бы неминуемо приглашать безземельныхъ латышей изъ прибалтійскаго края, австрійскихъ „гуралей“, а, можетъ быть, даже китайцевъ—кулиевъ.

Давно бы, безъ сомнѣнія, наши хозяева, крупные и средніе, въ этому и пришли, если-бы не все тоже самостоятельное крестьянское хозяйство кругомъ. Оно, поставляя на рынокъ все тѣ же продукты, что и помѣщичьи экономіи, является для послѣднихъ невыносимымъ конкурентомъ.

Во всякомъ помѣщичьемъ производствѣ въ стоимость всякаго продукта громадною цифрою входитъ плата за трудъ. Крестьянинъ своему труду не ведетъ никакого учета и въ въ издержки производства его вовсе не включаетъ.

Пояснимъ это на одномъ примѣрѣ: сѣетъ помѣщикъ десятину ржи и получаетъ, допустимъ, при урожаѣ самъ восемь, четырнадцать четвертей на продажу. Цѣна четверти складывается изъ земельной ренты, процентовъ и погашенія на затраченный оборотный капиталъ (напр., сѣмена) процентовъ и погашенія на инвентаръ живой и мертвый, процентовъ и погашенія на постройки, доли страховыхъ премій и налоговъ, наконецъ прямыхъ расходовъ на уплату пахарямъ, сѣвцамъ, подводчикамъ, жнецамъ и молотильщикамъ. При цѣнѣ ржи въ пять руб. весьма возможно, что сумма этихъ расходовъ будетъ больше, чѣмъ вырученные 70 р. за проданную рожь, плюсъ бухгалтерски исчисленная стоимость соломы и мякны.

Сѣетъ ту же самую десятину крестьянинъ, предположимъ для простоты, не на своей, но на арендуемой у того-же барина

землѣ. Его расходы будутъ: арендная плата за землю, стоимость сѣмянъ и вознагражденіе за трудъ, учитываемое въ свою собственную пользу. Заплативъ за аренду десять руб. и за сѣмена еще десять, крестьянинъ получить въ чистомъ остаткѣ отъ семидесяти руб.—солому, двѣ четверти сѣмянъ, мякину и наличными деньгами 50 руб. Если-бы даже цѣна на рожь понизилась до четырехъ руб., а, слѣдовательно, вырученные 50 руб. сократились до 36 руб., то и въ этомъ случаѣ, крестьянинъ остался бы въ чистыхъ барышахъ, если, разумѣется, чтобы пуститься на это предпріятіе, онъ не отвергъ иного предлагавшагося ему въ то-же время значительно болѣе выгоднаго заработка. А такъ какъ такихъ заработковъ почти нигдѣ не представляется, то случается часто, что крестьянинъ уменьшаетъ свое вознагражденіе за трудъ до послѣдняго предѣла, наноситъ арендную цѣну за землю и пользуется одною лишь соломой и мякиной.

Въ результатъ получается, что помѣщичье хозяйство совершенно парализовано самообезцѣненіемъ крестьянскаго труда ибо крестьянинъ безусловно и во всѣхъ случаяхъ предложить за аренду помѣщичьей земли значительно больше, чѣмъ эта земля могла бы принести помѣщику при томъ же посѣвѣ и обработкѣ по вольному найму. Сдѣлаетъ онъ это потому, что въ его расчеты, кромѣ соображеній частной выгоды предпріятія, входитъ и *элементъ нравственный, вѣрнѣе психологическій*. Крестьянинъ домохозяинъ—прежде всего *хозяинъ*, т. е. предприниматель и въ известной степени спекулянтъ. Онъ затрачиваетъ сѣмена и арендные деньги съ своимъ личнымъ трудомъ на явный рискъ. Но въ этомъ именно рискѣ и заключается большое наслажденіе, ибо, если съ одной стороны посѣянная рожь можетъ вымокнуть и вымерзнуть, то, съ другой стороны, при хорошемъ урожаѣ, она можетъ дойти и до самъ двѣнадцати, т. е. щедро вознаградить за рискъ.

Лучше всего можно доказать важную роль и преобладающее значеніе этого психологическаго элемента слѣдующимъ образомъ.

Представимъ себѣ, что помѣщикъ, вмѣсто того, чтобы согласиться сдать крестьянину десятину подъ рожь въ аренду,

найметъ этого крестьянина за деньги, произвести тѣ же самыя работы въ пользу его, помѣщика.

Одна и та же земля, обработанная однимъ и тѣмъ же орудіемъ на одной и той же лошади, засѣянная одними и тѣми же сѣменами, дастъ два разныхъ урожая: если баринъ—наниматель получить самъ пять, крестьянинъ арендаторъ соберетъ урожай не меньше самъ семи.

Мы беремъ въ этомъ примѣръ крестьянина совершенно добросовѣстнаго, который исполнитъ работу болѣе или менѣе удовлетворительно. Но онъ не внесетъ въ нее того увлеченія и той любви, съ которыми сдѣлаетъ ту-же работу *для себя*, а въ этомъ увлеченіи и любви и заключаются какъ, истинная радость такъ и истинное творчество.

На западѣ выработался цѣлый классъ превосходныхъ безземельныхъ сельскихъ рабочихъ, коихъ еще отцы и дѣды успѣли совершенно позабытъ о земельной собственности о работѣ на себя. Такой работникъ можетъ находить наслажденіе и на чужой работѣ, можетъ любить эту работу и проявлять такой же идеализмъ, какъ наши прежніе, оторванные отъ земли и собственности крѣпостные дворовые, или многіе фабричныя мастеровые, подолгу живущіе на фабрикахъ, окончательно разорвавшіе связь съ землею и духовно сросшіеся съ своимъ производствомъ и его хозяевами.

У насъ, не смотря на все неблагопріятныя вліянія, разложившія общину, каждый крестьянинъ можетъ во всякое время вернуться къ собственному хозяйству, получить свою собственную усадьбу и поляны и начать работать *вродѣ* ии При этомъ сознаніи, всякая чужая работа, какъ бы долго она ни продолжалась и какою бы заманчивою ни казалась, будетъ непремѣнно, если не вовсе ненавистною, то, во всякомъ случаѣ, *безрадостною, мертвою, подневольною*. Чтобы добыть нужныхъ рабочихъ, приходится, какъ уже сказано, или непомѣрно поднимать рабочую плату, чтобы ея высота покрывала не только выгоду собственной работы крестьянина, но и его предпринимательскія радости, или начинать долгую и упорную борьбу съ крестьянской общиной, задерживая развитіе ея собственного хозяйства, не давая выхода ея земель-

ной предприимчивости и насильственно сокращая количество собственннхъ крестьянскихъ работъ, дабы воспользоваться образующимся, такимъ образомъ, свободнымъ временемъ.

И эта борьба, начиная съ самаго освобожденія крестьянъ, идетъ непрерывно на всей поверхности Россіи.

Частное землевладѣніе упорно стремится поработить свободный сельскій классъ и воспитать изъ него для своихъ цѣлей дисциплинированную армію рабочихъ, безъ которыхъ оно осуждено на гибель. Сплошь надѣленное землею крестьянство общинное или подворное, безразлично, напрягаетъ все силы, чтобы не только отстоять свое собственное землевладѣніе и хозяйство, но, по возможности, ослабить или уничтожить частное землевладѣніе, въ которомъ, совершенно основательно, видитъ своего непримиримаго врага.

Нечего и говорить, что условія этой борьбы совершенно различны въ различныхъ областяхъ Россіи. Есть мѣстности, въ которыхъ землевладѣніе и хозяйство крестьянское, натолкнувшись на подсобные промыслы, успѣло въ первые же годы послѣ реформы настолько укрѣпиться и пріобрѣсти самостоятельность, что оставило мѣстныхъ землевладѣльцевъ вовсе безъ рабочихъ рукъ и заставило одно за другимъ закрыться ихъ хозяйства. Такова Ярославская губернія. Есть и другія мѣстности, напр. свеклосахарный районъ, гдѣ частно-владѣльческія хозяйства, имѣя вѣрный сбытъ дорогого продукта—свеклы, и располагая большими капиталами, мало-по-малу обезземеливаютъ мѣстное крестьянство, не могущее выдерживать конкуренціи капитала и вынужденное бросать собственное безвыгодное хозяйство и принимать гораздо лучше оплачиваемую работу на фабрикахъ и плантаціяхъ.

И тотъ и другой выходъ, т. е. и изгнаніе лично землевладѣльческаго класса, съ переходомъ всехъ земель въ крестьянскія руки, и обезземеленіе крестьянъ, съ превращеніемъ ихъ въ рабочій пролетаріатъ,—явленія одинаково вредныя и нежелательныя, какъ съ политической, такъ и съ культурной точекъ зрѣнія.

Въ первомъ случаѣ, неминуемо наступитъ истощеніе почвъ, вслѣдствіе варварскаго хозяйства невѣжественныхъ и бѣдныхъ